

18+

**АННА
ВЕРСКАЯ**

**ВДОВА
ДЕЛО КРАСНЫЙ ЛЕС**

Анна Верская

Вдова. Дело «Красный лес»

«Издательские решения»

Верская А.

Вдова. Дело «Красный лес» / А. Верская — «Издательские решения»,

Ей сорок пять, она вдова, и она не верит в магнетизм. Когда племянница попадает в сети столичного афериста, Аглая Корелина достаёт револьвер и начинает собственное расследование. Но правда, которую она раскопает, окажется страшнее любой лжи — и изменит всё, что она знала о себе, о муже и о человеке, которого любила в юности.

© Верская А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвёртая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вдова. Дело «Красный лес»

Анна Верская

Обложка shedevrum.ai

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0070-1364-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Аглая Матвеевна Корелина терпеть не могла, когда чай подавали без китайского сахара. А именно его-то сегодня и не оказалось.

— Глаша, — произнесла она, не повышая голоса, но так, что серебряная ложечка в руке горничной дрогнула. — Я, кажется, просила колотый. А это — песок. И песок сырой. Ты его что, в погребе рядом с квашней держала?

Глафира, девица лет двадцати восьми с лицом преждевременно увядшим, но глазами живыми и цепкими, как у торговки с Хитрова рынка, вздохнула с той особой фамильярностью, которую позволяют себе только старые слуги, пережившие вместе с хозяевами и пожар, и воду, и внезапную кончину барина.

— Аглая Матвеевна, матушка, да какой нынче китайский? У Филиппова булочника говорят, пароход из Кяхты на мель сел. Теперь весь сахар в Москве или ворованный, или по три рубля за фунт. А нам с вами, прости господи, за квартиру платить через неделю. Я уж и так кручусь, как бес перед заутреней.

Аглая Матвеевна аккуратно поставила чашку на блюдце. Чашка была мейсенского фарфора, с синим луком — одна из последних уцелевших от приданого. Фарфор был холодным, почти ледяным, как и пальцы хозяйки.

В свои сорок пять лет Аглая Матвеевна сохранила ту особую статью, которую в гостиних называют «породой», а за глаза — «сухой костью». Высокая, с длинной шеей, на которой уже проступили нити первых морщин, она не носила чепцов и кружев, предпочитая гладкие темные платья с глухим воротом. Вдовый наряд она не снимала четвертый год, хотя по покойному Льву Николаевичу, статскому советнику и картежнику, тайно вздыхала всего первые полгода траура. Остальные три с половиной года она вздыхала по свободе, которую давал этот наряд.

Вдове позволено многое из того, за что девицу клеймили бы позором, а мужнюю жену высекли бы розгами. Вдове можно читать финансовые ведомости, не притворяясь, что она ищет там лишь раздел мод. Можно ходить в гости к старым теткам без компаньонки и возвращаться затемно. Можно думать.

Аглая Матвеевна думала сейчас о том, что Глаша права. Средства таяли. Имение в Тульской губернии, заложенное мужем еще при жизни, едва покрывало проценты. Жили они теперь в Москве, в Сытинском тупике, на третьем этаже доходного дома, что было шагом вниз по сравнению с особняком на Пречистенке, но шагом, который она сделала сознательно. Она терпеть не могла, когда посторонние заглядывали в ее тарелки.

— Ладно, Глаша, Бог с ним, с сахаром, — Аглая Матвеевна отодвинула чашку и взяла со стола небольшой серебряный нож для бумаг. — Давай сюда утреннюю почту. Что-то ты ее прячешь за спиной.

Глафира шумно выдохнула и положила на край стола тонкий конверт из дорогой сероватой бумаги. Бумага пахла фиалкой и воском. Такие конверты не присылают из банка и не шлют из присутствия. Такие конверты суют в руки горничным наглые лакеи в ливреях.

Аглая Матвеевна вскрыла конверт ножом, стараясь не помять вензель на печати. Вензель был ей смутно знаком — что-то с завитушкой и готической буквой «С». Внутри оказался плотный листок с золотым обрезом и каллиграфической надписью, сделанной, судя по наклону, мужской рукой, но с явным старанием понравиться.

«Милостивая государыня Аглая Матвеевна!

Имею честь пригласить Вас в избранный круг почитателей магнетической науки и душевного покоя. Сеансы проходят в доме купца Полуянова, что у Красных ворот, по средам и пятницам, ровно в четыре часа пополудни. Вход для дам благородного звания — бесплатный. С глубочайшим почтением и надеждой на знакомство,

Граф Л. де Сен-Жерве».

Аглая Матвеевна перевернула листок. На обороте была приписка, сделанная уже не каллиграфическим, а торопливым и размашистым почерком, с кляксой на букве «ять»:

«Tante Aglae! Умоляю, приходите в пятницу! Это чудо! Граф избавил меня от мигрени одним лишь взглядом. И говорят, он умеет предсказывать судьбу по биению жил на запястье. Ваша любящая племянница Сонечка Ланская».

— Сонечка, — протянула Аглая Матвеевна вслух и потерла переносицу двумя пальцами. Это был единственный жест, выдававший усталость. — Сонечка, дура стоеросовая.

Глафира, убиравшая со стола злополучную сахарницу, фыркнула.

— Что, опять жениха ищет?

— Хуже, Глаша. Она ищет магнетизма. У графа с липовым вензелем.

— Господи Иисусе, — Глафира перекрестилась на угол, где висела икона, заслоненная засохшей вербой. — Аглая Матвеевна, не путались бы вы в это. Магнетизёры эти — они либо в карман лезут, либо под юбку. А то и в душу плюнут.

— В том-то и дело, что в карман, — тихо сказала вдова. — У Сонечки в кармане лежат матушкины фермуары. Все три. С изумрудами и жемчугом. Я их еще в прошлом году у ювелира Ашкинази оценивала. Если она их этому графу на «очищение ауры» отдаст...

Она не договорила. Аглая Матвеевна встала. Роста она была выше среднего и сейчас, в темном шерстяном платье, с прямой спиной и холодным взглядом светло-серых глаз, походила на статую командора, сошедшую с пьедестала.

— Глаша, достань мое серое шелковое платье. То, что с турнюрком, но без блесков. И шляпку с густой вуалью. И перчатки подлиннее, чтобы запястья были закрыты.

Глафира уперла руки в бока. Горничная она была неробкого десятка. В прошлом — дочь разорившегося купца третьей гильдии, в настоящем — верная спутница и единственный человек, который знал, что под подушкой у Аглаи Матвеевны лежит не молитвенник, а револьвер системы Лефоше и стопка векселей с просроченной датой.

— Аглая Матвеевна, голубушка, вы ж туда не чай пить собрались, я чую. У вас желваки заходили, как в тот раз, когда пристав описывал нашу мебель. Вы что удумали?

— Я удумала, Глаша, нанести визит вежливости, — Аглая Матвеевна подошла к бюро и выдвинула потайной ящичек, где лежал крошечный блокнот в сафьяновом переплете и остро отточенный карандаш. — Граф предсказывает судьбу по биению жил? Вот и славно. А я умею предсказывать крах по биению фальшивых ассигнаций.

Она сунула блокнот в глубокий карман платья и добавила уже мягче, почти ласково:

— И надень-ка ты, Глаша, новую косынку. Ту, с маками. Пойдешь со мной. Будешь изображать богатую купчиху, которая приехала лечить нервы после смерти третьего мужа. Сумеешь?

Глафира шмыгнула носом, но в глазах у нее загорелся опасный, авантюрный огонек, знакомый Аглае еще по тем временам, когда они вместе прятали от судебных приставов серебро в кадке с фикусом.

— Обижаете, барыня. Я вам такую купчиху изображу, что этот граф сам мне фермуары Сонечкины вынесет. Да еще и на чай попросит.

Аглая Матвеевна чуть заметно улыбнулась, одними уголками тонких губ.

— Вот и славно. Ступай, готовь платье. И захвати мою лорнетку. Не ту, что с простым стеклом, а с дымчатым. Говорят, месмерический взгляд графа действует безотказно. Посмотрим, как он подействует на мою близорукость.

Она снова села в кресло и взяла в руки вязание — длинное кружевное полотно, которое вязала уже третий месяц и которое, казалось, никогда не закончится. Спицы замелькали с сухим, ритмичным стуком. Это был единственный звук в комнате. Со стороны могло показаться, что вдова статского советника полностью поглощена узором.

Но Глафира, уходя в свою каморку, знала точно: сейчас этот стук означает не успокоение. Это означает, что мозг Аглаи Матвеевны просчитывает все возможные ходы и выходы, словно шахматная доска расстелена у нее не на коленях, а прямо в голове. И горе тому графу, который встанет у нее на пути.

Потому что Аглая Матвеевна Корелина, урожденная Волынская, вдова, дворянка и женщина сорока пяти лет от роду, терпеть не могла только две вещи: сырой сахар и когда воровски обижают ее дуру-племянницу.

Глава вторая

Дом купца Полуянова у Красных ворот был из тех, что строят люди, внезапно разбогатевшие на казенных подрядах. Архитектор явно страдал раздвоением личности: левое крыло особняка стремилось вверх готическими башенками, правое расползлось вширь русским теремом с пузатыми колоннами, а центральный вход венчал стеклянный купол, сквозь который в московский декабрьский сумрак лился тревожный желтоватый свет.

— Господи, красота-то какая, — выдохнула Глафира, поправляя новую косынку с алыми маками. Косынка сидела на ней лихо, чуть набекрень, и вкупе с лисьей горжеткой (взятой напрокат у дальней родственницы-портнихи) действительно придавала ей вид купчихи средней руки, приехавшей в Москву спускать мужнины капиталы. — Прямо царствие небесное на земле.

— Прямо Вавилон, — сухо поправила Аглая Матвеевна, поправляя густую вуаль. — Идем. И помни: ты — Пелагея Трифоновна Сытиха, вдова рыбного торговца из Рыбинска. Нервы у тебя расстроены после того, как третий муж утонул в собственной барже с осетрами.

— Так он же не тонул, он запил и помер, — шепнула Глафира.

— Тем более. Значит, тебе есть что скрывать. Магнетизёры таких любят. Идут с охотой.

Их встретили в просторной прихожей, больше похожей на будуар турецкого паши. Вдоль стен стояли низкие диваны, обитые малиновым бархатом, в воздухе плавал тяжелый запах сандала и еще чего-то сладковатого, от чего у Аглаи Матвеевны тут же зачесалось в носу. Лакей в ливрее, расшитой серебряными галунами, принял у них верхнюю одежду с таким видом, будто делал величайшее одолжение.

— Их сиятельство граф ожидает в зале магнетических откровений, — произнес он замогильным голосом. — Прошу следовать за мной. И прошу соблюдать полную тишину. Флюиды нынче особенно чувствительны.

Глафира пихнула Аглаю Матвеевну локтем в бок, но та даже не шелохнулась. Ее внимание уже было занято тем, что она видела сквозь дымчатую лорнетку.

В зале, куда их провели, царил интимный полумрак. Тяжелые портьеры были задернуты, и единственным источником света служил большой хрустальный шар на бронзовой подставке, внутри которого мерцало что-то зеленоватое. Вокруг шара полукругом сидели посетительницы — дамы разного возраста, но все как на подбор из состоятельных. Аглая Матвеевна быстрым взглядом насчитала одиннадцать головных уборов. Десять из них стоили больше ее месячного дохода.

Сонечка Ланская сидела в первом ряду, подавшись вперед всем своим юным телом, и смотрела на шар с таким выражением лица, с каким кот смотрит на сметану. Рядом с ней, на бархатной подушке, лежала раскрытая бархатная же коробочка. Аглая Матвеевна прищурилась. Так и есть. Фермуары. Все три. Сонечка уже вынула их и держала на коленях, видимо, готовясь к «очищению».

— Матушка, она их прямо на блюдечке выставила, — прошипела Глафира, устраиваясь на свободном месте в заднем ряду. — Как пирожки на базаре.

— Молчи, Пелагея Трифионовна, — одними губами ответила Аглая Матвеевна. — Смотри и запоминай.

В этот момент тяжелая портьера в глубине зала колыхнулась, и появился он.

Граф Л. де Сен-Жерве оказался именно таким, каким его рисовало воображение Аглаи Матвеевны, — и в то же время совершенно иным. Он был высок, сухощав, одет в безукоризненный черный сюртук, но не английского, а какого-то неуловимого европейского покроя. Лицо его было странным: с одной стороны — правильные черты, высокий лоб, тонкий нос с горбинкой. С другой — что-то неуловимо размытое, будто природа, создав идеальную маску, забыла вдохнуть в нее жизнь. Возраст его не поддавался определению. Ему можно было дать и сорок, и шестьдесят. И только глаза — светлые, почти прозрачные, с тяжелыми веками — жили своей отдельной, хищной жизнью.

Он прошел к хрустальному шару легкой, бесшумной походкой, и в зале воцарилась такая тишина, что Аглая Матвеевна услышала, как у Сонечки стучит сердце. Или, возможно, это стучало ее собственное — от напряжения.

— Mesdames, — голос у графа оказался низким, с легкой хрипотцой и едва заметным акцентом, который Аглая Матвеевна не смогла опознать. Не французским, не немецким. Что-то другое. — Сегодня флюиды говорят мне, что в этом зале присутствует душа, нуждающаяся в особенном очищении. Душа, отягощенная не только своими печальями, но и печальями близких. Душа, потерявшая себя.

Он медленно обвел взглядом полукруг дам. Взгляд его скользнул по Сонечке, не задержавшись, по другим посетительницам, и вдруг остановился. Прямо на Аглае Матвеевне.

Вуаль не помогла. Или помогла ровно настолько, чтобы вызвать у графа дополнительный интерес.

— Вы, — произнес он, и длинный палец его указал прямо на нее. — Вы пришли сюда впервые. И вы не верите. Это правильно. Вера без сомнения — это суеверие. Подойдите.

Аглая Матвеевна почувствовала, как Глафира вцепилась ей в локоть мертвой хваткой. Но вдова статского советника уже поднималась со своего места. Она сделала три шага вперед и остановилась на расстоянии вытянутой руки от графа.

— Ваше сиятельство, — произнесла она тихо, но отчетливо, намеренно сделав голос старше и глуше. — Я лишь скромная вдова, ищущая покоя. Я не хотела бы отвлекать вас от других страждущих.

Граф чуть склонил голову набок. В прозрачных глазах мелькнуло что-то похожее на азарт.

— Скромная вдова, — повторил он, растягивая слова. — Скромная вдова не носит на запястье след от часов с секундной стрелкой. А такие часы, мадам, носят либо врачи, либо

биржевые маклеры. Либо... те, кто привык считать не минуты, а секунды до разорения противника.

В зале пронесся шепоток. Аглая Матвеевна мысленно обругала себя последними словами. Часы! Действительно, она по привычке надела свои рабочие часы — подарок мужа, швейцарский хронометр с секундной стрелкой, незаменимый при чтении биржевых сводок. И след от браслета, который она всегда носила чуть туже, чем следовало, действительно остался на коже.

— Ваше сиятельство весьма наблюдательны, — произнесла она, не отводя взгляда. — Часы достались мне от покойного мужа. Он был человеком деловым.

— И вы, очевидно, унаследовали не только его часы, но и его деловую хватку, — граф сделал шаг ближе. Теперь между ними было не больше полуаршина. — Дайте мне вашу руку.

Это был не вопрос. Это был приказ.

Аглая Матвеевна протянула левую руку ладонью вверх. Она знала, что делает. На левой руке у нее не было часов. Только тонкая сетка вен под бледной кожей и обручальное кольцо, которое она не снимала не из сентиментальности, а потому что оно служило отличным кастетом в случае необходимости.

Граф взял ее запястье. Пальцы у него оказались неожиданно горячими и совершенно сухими. Он закрыл глаза и замер.

В зале снова стало тихо. Сонечка Ланская смотрела на тетушку с таким благоговейным ужасом, будто та возносилась на небо. Глафира в заднем ряду, кажется, перестала дышать.

— Вы потеряли многое, — произнес граф, не открывая глаз. — Но не деньги. Деньги вы умеете считать. Вы потеряли... человека. Мужчину. Не мужа. Мужа вы не любили. Вы потеряли того, кто был до мужа. Давно. Очень давно. Еще в юности.

Аглая Матвеевна почувствовала, как что-то холодное пробежало у нее по позвоночнику. Она действительно потеряла жениха на Крымской войне. Об этом не знала даже Глафира. Об этом вообще никто не знал в Москве, потому что та история случилась в ее родном тульском имении, тридцать лет назад, и все ее свидетели давно лежали в земле.

— Вы носите это в себе, — продолжал граф, и голос его стал тише, интимнее. — И это мешает вашим... флюидам. Они заперты. Закупорены, как старое вино. И это опасно. Для вас. И для тех, кто рядом.

Он открыл глаза и посмотрел на нее в упор.

— Я могу помочь. Я могу открыть этот канал. Но для этого нужно доверие. Нужно прийти на индивидуальный сеанс. В четверг. В полночь.

Он отпустил ее руку и отступил на шаг.

Аглая Матвеевна медленно опустила руку. Лицо ее под вуалью оставалось непроницаемым. В голове у нее с бешеной скоростью крутились два вопроса. Первый: как он узнал про Крым? Второй: зачем ему индивидуальный сеанс в полночь, если магнетические сеансы обычно проводят днем?

— Я подумаю, ваше сиятельство, — произнесла она и, повернувшись, пошла обратно на свое место.

По пути она успела заметить, что Сонечка смотрит на нее с завистью, а коробочка с фермуарами так и лежит раскрытой на коленях.

Когда сеанс закончился (граф еще дважды вызывал дам, предсказал одной скорую прибыль от имения, а другой — измену мужа, причем вторая почему-то обрадовалась), Аглая Матвеевна и Глафира вышли на морозный воздух.

— Ну что, барыня? — Глафира куталась в лисью горжетку и мелко крестилась. — Бес это. Как есть бес. Он про вас такое сказал, чего и я не ведаю. Откуда?

— Оттуда, — Аглая Матвеевна остановилась и посмотрела на свои руки в длинных перчатках. — Либо он действительно читает мысли, Глаша. Либо читает что-то другое. Например, старые подшивки губернских ведомостей. Или письма.

— Письма? Какие письма?

— Не знаю пока. Но узнаю. Завтра же напишу в Тулу нашему старому поверенному. И еще кое-куда.

Она достала из кармана блокнот и быстро, почти стенографически, записала несколько слов: «Сен-Жерве. Акцент. Хронометр. Теплые руки. Знает о Крыме. Индивид. сеанс — полночь. Сонечка — фермуары — четверг?».

— А теперь, Глаша, поехали домой. У меня от их сандала разболелась голова. И еще...

Она повернулась к горничной и впервые за весь вечер улыбнулась настоящей, теплой улыбкой.

— Пелагея Трифионовна Сытиха из Рыбинска была великолепна. Ты не шевелилась и не дышала ровно с той степенью испуга, какая и требуется от вдовы рыбного торговца. С тебя пряник.

Глафира расплылась в довольной улыбке, и они пошли к извозчику — две женщины, одна в дорогом сером шелке, другая в лисьей горжетке и с маками на косынке, совершенно не похожие на тех, кто способен разрушить планы международного афериста.

Но это было только начало.

Глава третья

Письмо из Тулы пришло через четыре дня.

Аглая Матвеевна как раз сидела у окна с неизменным вязанием в руках, когда в прихожей раздался тяжелый топот Глафиры, а затем — звук, с которым на дубовый столик шлепнулся объемистый казенный пакет.

— Почтарь сказал — с нарочным, — выдохнула Глафира, утирая пот со лба. — С вас, барыня, полтина. Я уж заплатила из своих. Вы мне должны.

— Запиши в книгу расходов, — рассеянно ответила Аглая Матвеевна, уже вскрывая пакет серебряным ножом. — И поставь самовар. Боюсь, ночь будет долгой.

В пакете оказалось два предмета. Первый — казенного вида конверт с гербовой печатью Тульского губернского архива. Второй — частное письмо, написанное мелким, бисерным почерком старого поверенного семьи Волынских, Игната Савельевича Перхушкова, которому Аглая Матвеевна доверяла больше, чем иным родственникам.

Она начала с частного письма.

«Милостивая государыня Аглая Матвеевна!

Спешу ответить на Ваш запрос, хоть и пребываю в некотором недоумении. Вы спрашиваете о некоем графе де Сен-Жерве и его возможной связи с делами Вашего покойного батюшки. По своим каналам в дворянском собрании я навел справки. Графа с такой фамилией в родословных книгах Российской империи не значится. Более того — ни в одном европейском готском альманахе за последние пятьдесят лет такой фамилии тоже нет. Либо он самозванец, либо — что еще хуже — из тех эмигрантов, что выдумывают себе титулы по дороге через границу.

Однако есть одна странность, которую я почел долгом довести до Вашего сведения, хоть она и касается дел давно минувших. Вы просили поднять бумаги Вашего покойного супруга, Льва Николаевича Корелина, за 1867—1869 годы. Грешен, Аглая Матвеевна, я позволил себе заглянуть в те документы, что хранятся у меня по описи имущества. И нашел вот что.

В ноябре 1868 года Ваш супруг совершил странную сделку. Он продал участок леса под Тулой, приносивший верный доход, некоему «С. Жерве, французскому подданному, временно проживающему в Москве». Сумма сделки была ничтожной — всего восемьсот рублей серебром, тогда как реальная стоимость леса была не менее трех тысяч. Я тогда еще писал Льву Николаевичу с вопросом, но он ответил коротко: «Так нужно». Более мы к этому не возвращались.

Прилагаю к сему копию купчей крепости, снятую мною в архиве на всякий случай. Обратите внимание на подпись покупателя.

Что же касается Вашего второго вопроса — о женихе Вашей юности, поручике Дмитрие Алексеевиче Брянчанинове, павшем под Севастополем, — то, видит Бог, я не хотел беречь старые раны. В архиве Тульского дворянского собрания действительно хранится дело о его

наследстве. Оно было закрыто в 1856 году за отсутствием наследников. Кто мог интересоваться им теперь — ума не приложу.

Остаюсь Ваш верный слуга и доброжелатель,
Игнат Перхушков.

P.S. Будьте осторожны, Аглая Матвеевна. Москва — город большой, а люди в нем — разные».

Аглая Матвеевна отложила письмо и несколько минут сидела неподвижно, глядя в темнеющее за окном небо. Восемьсот рублей за лес стоимостью в три тысячи. Лев Николаевич никогда не был хорошим коммерсантом, но дураком он тоже не был. И тут — такая странная щедрость по отношению к человеку, которого она никогда не знала.

Она взяла в руки второй документ — казенную копию купчей. Желтоватая бумага, каллиграфический писарский почерк, печать Тульской гражданской палаты. Строчкиплыли перед глазами, но она заставила себя читать внимательно.

«...явились: статский советник Лев Николаевич Корелин, с одной стороны, и французский подданный Себастьян Жерве, с другой стороны...»

Себастьян. Не Людовик, не Луи, не какая-нибудь другая буква «Л». Себастьян. С.

Аглая Матвеевна перевела взгляд в самый низ страницы, туда, где стояли подписи. Подпись мужа она узнала бы из тысячи — размашистая, с летящим хвостом у буквы «К» и жирной кляксой после «ъ». А вот вторая подпись...

Она поднесла бумагу ближе к свече.

S. Gervais.

Буква «S» была выписана с тем же странным завитком, который она видела на пригласительном конверте графа де Сен-Жерве. Та же готическая вязь, тот же наклон, тот же нажим пера на нижней дуге. Совпадение? Нет. Такие вещи не совпадают случайно.

— Глаша! — позвала она, и горничная явилась почти мгновенно, будто стояла под дверью. — Взгляни-ка сюда. Помнишь конверт от графа?

— Как не помнить. Фиалкой вонял, аж в горле першило.

— Посмотри на букву «С». И на эту. Одна рука?

Глафира, которая, как выяснилось за годы совместной жизни, обладала цепкой памятью на почерки (сказывалось купеческое происхождение — в лавке без этого никак), долго всматривалась в бумагу, шевеля губами.

— Она, — вынесла она вердикт. — Вот тут, у «С», хвостик вниз загибается и потом вверх, как у кошки. И нажим в середине сильнее. Одна рука, барыня. Как пить дать — одна.

Аглая Матвеевна аккуратно сложила оба документа и убрала их в потайной ящик бюро, рядом с револьвером.

— Что ж, — произнесла она, и голос ее прозвучал буднично, даже скучающе. — Выходит, мой покойный муж был знаком с этим проходимцем еще двадцать лет назад. И зачем-то продал ему лес за бесценок. Либо он был ему должен, либо...

— Либо они вместе что-то проворачивали, — закончила Глафира, и в голосе ее не было ни тени испуга. Только азарт. — Аглая Матвеевна, а ведь это пахнет не простой аферой. Это пахнет старым грехом.

— Вот именно, — вдова поднялась и прошлась по комнате. — И этот «старый грех» теперь явился в Москву, называет себя графом, околдовывает богатых дам и почему-то знает про моего покойного жениха. Слишком много совпадений для одного магнетизера, тебе не кажется?

Глафира перекрестилась на икону.

— А может, ну его, барыня? Напишем Сонечкиной матушке, она ее в деревню увезет. Фермуары отберем. А граф этот пусть других дурит. Нам-то что?

Аглая Матвеевна остановилась у окна. За стеклом шел мелкий, противный дождь впере-мешку со снегом — московская декабрьская слякоть.

— Нам-то, Глаша, вот что. Если этот человек знал моего мужа и знает про Дмитрия Брянчанинова, которого я похоронила тридцать лет назад, — значит, он копал под меня. Специально. Зачем-то я ему понадобилась. И я хочу знать, зачем.

Она повернулась к горничной.

— Завтра четверг. Граф ждет меня на индивидуальный сеанс в полночь. Я пойду.

— Одна?! — взвилась Глафира. — Аглая Матвеевна, да вы в уме ли? Ночью, к мужику, который черт знает что про вас вызнал?

— Не одна, — Аглая Матвеевна подошла к бюро, выдвинула ящик и извлекла на свет револьвер системы Лефоше. Маленький, изящный, с перламутровой рукояткой. — Ты пой-дешь со мной. Будешь ждать в экипаже у черного хода. Если через час я не выйду — поднимай шум. Скажешь, что твоя барыня — генеральша, и ты уже послала за полицией.

— Скажу, что генерал-губернаторская племянница, — мрачно пообещала Глафира. — И что муж у нее — казачий атаман с нагайкой.

— Вот и славно. А теперь — самовар. И достань-ка из погреба вишневую наливку. Что-то мне зябко.

Через час они сидели вдвоем за круглым столом, пили чай (на этот раз с нормальным колотым сахаром — Глаша расстаралась) и молчали. Револьвер лежал тут же, на краю стола, поблескивая перламутром в свете свечи.

— Аглая Матвеевна, — вдруг спросила Глафира, подливая себе наливки, — а этот ваш жених, поручик... Вы его сильно любили?

Вдова долго смотрела на огонь свечи.

— Я была молодой, Глаша. Молодые всегда любят сильно. А потом учатся любить... иначе. Или не любить вовсе.

Она взяла в руки вязание. Спицы застучали — быстро, нервно, совсем не в такт ее обычному ритму.

— Но если кто-то решил использовать мою старую боль как ключ к моему кошельку или к чему-то еще, — добавила она тихо, — то этот кто-то сильно просчитался. Я не Сонечка. Я свои фермуары так просто не отдам.

Спицы мелькали в полутьме. Глафира допила наливку, перекрестилась на всякий случай еще раз и пошла стелить постель.

За окном выла метель. До полуночи четверга оставалось чуть больше суток.

Вот четвёртая глава. Ночной сеанс, первый прямой разговор с антагонистом и неожиданный козырь в рукаве.

Глава четвёртая

В четверг, ровно в одиннадцать часов вечера, наёмный экипаж остановился за квартал от дома купца Полуянова. Аглая Матвеевна не хотела, чтобы кучер видел, куда именно она направляется. Лишние свидетели в таком деле — лишние языки.

— Помни, Глаша, — сказала она, поправляя вуаль, на этот раз вдвое гуще обычного. — Ждешь ровно час. Если через час меня нет — стучишь в чёрный ход. Не открывают — орёшь «пожар». На пожар всегда сбегаются.

— Да уж придумаю, — Глафира запахла тулуп, под которым угадывался тот самый револьвер системы Лефоше. — А вы, барыня, ежели что — кричите. У меня слух знаете какой. Я за версту мышь в подполе слышу.

Аглая Матвеевна выбралась из экипажа и пошла по пустынному переулку. Московская декабрьская ночь была сырой и ветреной. Фонари горели через один, и в их жидком свете тени от домов казались живыми, шевелящимися.

Чёрный ход дома Полуянова нашёлся там, где она и предполагала — в узком проулке, заваленном пустыми бочками и рогожными кулями. Аглая Матвеевна поморщилась, приподнимая подол, но решительно постучала три раза, как было велено в записке, доставленной утром с тем же фиалковым ароматом.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял давешний лакей в серебряных галунах, но теперь, в ночном полумраке, он выглядел не напыщенным слугой, а скорее вышибалой из плохого трактира.

— Их сиятельство ожидают, — буркнул он и посторонился. — Второй этаж, дверь с павлином.

Аглая Матвеевна поднялась по узкой лестнице. Дом был погружён в тишину — ни звука шагов, ни голосов прислуги. Словно всё здание вымерло к ночи. Только где-то далеко, в глубине, мерно тикали напольные часы.

Дверь с павлином нашлась в конце коридора. Павлин был вырезан из тёмного дерева и инкрустирован перламутром — криливо, безвкусно и явно дорого. Аглая Матвеевна толкнула дверь и вошла.

Комната оказалась небольшой, но обставленной с претензией на восточную роскошь. Низкая тахта, застеленная персидским ковром. Кальян в углу. Жаровня с тлеющими углями, от которой поднимался сладковатый, удушливый дымок. И граф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.